

Ю. Г. Антонов, С. В. Шеянова

Концепция одиночества в современной мордовской литературе

Аннотация. Экзистенциальная проблема одиночества во все времена вызывала особый интерес ученых, мыслителей, художников слова. Философы стремятся выявить особенности его природы, пути его преодоления, писатели выстраивают художественную концепцию одиночества, в которой эксплицируются мировоззрение, духовные ценности и нравственные ориентиры, психологическое состояние персонажа. Мифологема одиночества в литературном дискурсе становится не просто неотъемлемым элементом поэтической структуры текста, но и аккумулирует «вневременные» вопросы смысла человеческого бытия и неизбежности смерти.

Мордовская литература конца XX – начала XXI вв. характеризуется определенным углублением нравственно-философской, онтологической проблематики, генезисом экзистенциальной парадигмы тем, проблем, мотивов, «ситуаций», среди которых ситуация одиночества идентифицируется как одна из художественных моделей взаимоотношений «человек – мир», как экспликация незримой сущности бытия и человеческой души.

В данной статье актуализируется проблема рецепции одиночества как одна из универсальных ситуаций экзистенциального сознания в художественных опытах современных мордовских писателей, исследуется специфика реализации концепции одиночества, отражающей взаимоотношения личности с миром, позволяющей материализовать трагическое мироощущение оказавшегося в кризисной экзистенциальной ситуации человека переходной эпохи, в произведениях разных жанров; выявляются оригинальные пути разрешения ситуации одиночества в национальном художественном дискурсе.

Выстраиваемая современными мордовскими писателями концепция одиночества позволяет выявить непреходящие истины бытия, проникнуть в мир «человеческой субъективности», подводит к осмыслению онтологических проблем, вопросов диалектики мира и ценности человеческой жизни.

Ключевые слова: экзистенциальное сознание, экзистенциальная ситуация, концепция одиночества, философия, психологизм, интенция.

Y. G. Antonov, S. V. Sheyanova

The concept of loneliness in the modern Mordovian literature

Abstract. The existential problem of loneliness at all times was of particular interest of scientists, thinkers, writers. The philosophers attempt to reveal the peculiarities of its nature, its ways of overcoming, the writers build artistic concept of loneliness explicating the worldview, spiritual values and moral guidelines, psychological state of the character. The mythologeme of loneliness in literary discourse is not just an integral element of the poetic structure of the text, but also it accumulates the «timeless» questions of the meaning of human existence and the inevitability of death.

Mordovian literature of the late XX – early XXI centuries is characterized by a certain deepening of moral and philosophical, ontological issues, the genesis of the existential paradigm of the themes, problems, grounds, «situations», among which the situation of loneliness is identified as one of the artistic models of relations «the human – the world», as the explication of the invisible essence of being and of the human soul.

This article is updated problem of reception of loneliness as one of the universal situations of existential consciousness in artistic experiments of modern Mordovian writers; studied the specific implementation of the concept of loneliness, which reflects the relationship of the individual with the world, allowing to materialize the tragic attitude of the human in crisis existential situation of transitional epoch in works of various genres; identifies the original ways of resolving the situation of loneliness in the national art discourse.

Built by modern Mordovian writers the concept of loneliness allows to reveals the eternal truth of being, to penetrate into the world of «human subjectivity», leads to the understanding of ontological problems, issues of dialectics of the inner world and the value of human life.

Key words: existential consciousness, existential situation, the concept of loneliness, philosophy, psychologism, intention.

Философия экзистенциализма, осмысливающая жизнь «бесконечно многообразной и многозначной, в самом человеке подразделяющая различные пласты, вступающие в противоречие различные побуждения и склонности» [1], реализующаяся посредством ряда категорий (страх, внутренняя пустота, одиночество, незащищенность, осознание абсурдности и конечности бытия), вполне сопоставима с духовно-культурными движениями современности, трагической социально-политической обстановкой, кризисной ситуацией переходной рубежной эпохи конца XX – начала XXI вв. Повсеместно всплывают трагические бердяевские «формулы» прошлого века: мир разлагается, перевоплощается, сметаются все грани, рушится традиционный, основанный на нравственно-этических критериях ход жизни, человек погружается в бездуховность, в слепоте идет к зияющей пустоте. К современности вполне применима следующая формула: «Произошла переоценка всех ценностей, отброшены сдерживающие человека пределы, каковыми для него были Бог, мораль... Человек оказывается в глобальной «экзистенциальной ситуации»: наедине с метафизическими безднами бытия и собственной души, перед беспредельностью одиночества...» [2, 9]. Литературное творчество, имеющее целью воссоздание действительности во всем многообразии и «многоголосии», проникновение в «диалектику души», схватывает, осмысливает и отражает катастрофичность бытия, отчужденность как формулу взаимоотношений человека и мира, страх смерти и жизни, онтологическое одиночество человека.

Ситуация одиночества – одна из универсальных экзистенциальных ситуаций, в которых эксплицируется незримая сущность бытия и человеческой души. Концепция одиночества «фокусирует психологическое состояние и сознание человека рубежной эпохи – ощущение заброшенности, затерянности, отчуждения, малости, незащищенности и перед масштабом социальных потрясений, и перед глобальностью экзистенциальных проблем» [2, 163]. Литературоведы убедительно прослеживают

мысль о том, что ситуация одиночества позволяет материализовать трагическое мироощущение человека переходной эпохи, когда личность остается один на один с миром, принимает на себя весь груз бытийных проблем, не имея при этом четкого руководства и модели поведения.

Мордовскую литературу конца XX – начала XXI вв., несмотря на углубление в ней нравственно-философской, онтологической проблематики, тяготение к отражению амбивалентных связей, обогащение арсенала изобразительно-выразительных средств за счет символической образности, условных форм, идентифицировать как направление, эволюционирующее в строго экзистенциальном русле, было бы неправомерно. Однако в настоящее время с новой силой ощущается, используя выражение Н. Бердяева, «потребность в философском пересмотре основ мирозерцания ... разгадать загадку бытия, проникнуть в тайну наиреальнейшей действительности...» [3; 11, 13]. Художественный анализ глубинных проблем современности, затянувшегося социального кризиса, вызвавшего переоценку ценностей, перемежающийся с философским осмыслением традиционных принципов, канонов, устоев человеческого бытия, привел к формированию в национальной словесности экзистенциальной парадигмы тем, проблем, мотивов, «ситуаций». Персонажи произведений мордовских авторов оказались подвержены классическим экзистенциальным переживаниям – одиночеству, скуке, отчаянию, тоске, ввергающих их в сложное, порой депрессивное, психологическое состояние. Ситуация одиночества становится одной из художественных моделей взаимоотношений героя с миром.

В художественных опытах мордовских писателей конструируется духовная борьба человека с внешним миром, обусловившая внутреннюю дисгармонию индивидуума. Не случайно авторы моделируют сюжетные ситуации, отражающие положение персонажа в социуме, его отношения с действительностью, состояние отчуждения, а порой и отчаяния. Так, А. Пудин в драме «Анахореты, или Угол для сирот» [4] воссоздает тип чело-

века глубоко одинокого, несчастного, брошенного, переступающего некий вечный закон. Трагедию судеб своих персонажей автор видит именно в столкновениях с внешними социальными условиями и обстоятельствами, которые с течением времени осмысливаются как онтологические, бытийные. В драме отчетливо обозначена социальная подоплека происходящего. Когда-то ярый коммунист Яку, свято верящий в идею строительства новых общественных отношений, громил церкви, железной рукой «загонял» своих односельчан в «рай» коллективизации. Через несколько десятилетий его действия отразились в нищей разоренной деревне, где умирает одинокая больная дочь Яку Ольгака, которой каждую ночь является убитый односельчанами отец с одной просьбой – заказать обедню за упокой его души. В этой фигуре нет дани модной в последние десятилетия теме осуждения рьяных коммунистов, идеологов коллективизации. Социальные события начала XX века явились лишь катализатором для осмысления драматургом сложнейших вопросов человеческого бытия, сознания, нравственно-этического и психологического потенциала личности.

В «Анахоретах...» А. Пудин не только воссоздает типы бесконечно одиноких людей, но и репрезентует образ одинокой деревни. Одиночество – атрибут больших городов, однако, как ни парадоксально, в данном случае одиноки жители маленькой деревни, близко контактирующие друг с другом, связанные определенными взаимоотношениями и обязательствами. Вымирание провинциальной глубинки отражается в судьбах сельчан, оказавшихся оторванными от «большой» земли, ставших «анахоретами» – отшельниками, вместе с тем одиночество каждого из них индивидуально. Жизнь героев драмы бессобытийна, мир, в котором они существуют, не дает им возможности реализовать свой духовный и личностный потенциал. За физическим одиночеством усматривается экзистенциальная обреченность жителей села на одиночество, которое, словно запущенный жизненный механизм, непреодолимо ни общением, ни деятельностью. Оно становится роковым, экзистенциальным.

Жизнь 28-летнего инвалида-афганца Алексея сломлена войной, после возвращения с которой, он уже не смог адаптиро-

ваться к условиям мирной жизни. Осознание своей неполноценности не дает мужчине возможности завести семью, детей. Интимные отношения с Раей не заполняют духовную пустоту, отсутствие глубоких эмоций привело к тому, что они так и не стали близкими и родными людьми. Отношения Алексея с другими жителями деревни характеризуют его слова: «...Нет мне тут жизни. Лишний я тут... Не пришей рукав...» [4, 93].

Другой персонаж пьесы – Рая – глубоко одинока. Ее одиночество экзистенциально: оно непреодолимо, обусловлено не локальной ситуацией, а является «многомерным конструктом» (термин Д. Д. Гирвельда и Д. Раадшелдерса) [5]. Депрессивный страх пустоты, беспочвенности, осознание одиночества и обреченности сменяется у женщины кратковременной надеждой на обретение личного счастья и неких опор: «Думала, жить буду! С мужем дом новый сосновый поставим. Чтоб самый красивый был в деревне! Потолки – желтенькие. Как воск... Из детского дома детей возьму... много детей! Днем и ночью работала бы, за ними ходила... варила бы, стирала...» [4, 92]. Однако несбыточные мечты героини обрывает жестокая реальность, осознание бессмысленности безрадостного существования: «Мне незачем жить...» [4, 92]. Подобный синтез амбивалентных психологических состояний, мироощущений есть авторская концептуализация представлений о сложности человеческой натуры, подверженной разнообразным эмоциям, противоречиям, являющихся фактором диалектики внутреннего мира личности.

В драме «Анахореты...» создается экзистенциальная концепция бытия, персонажи, вступающие в духовный конфликт с жестокой действительностью и самим собой, наделяются экзистенциальным мироощущением. Каждое их переживание, стремление переломить ситуацию, преодолеть жизненный кризис есть ответная реакция на равнодушие, безответственность, безнравственность социума. Перед читателем проходит вереница трагических образов и судеб, что придает мрачный колорит всей пьесе. Можно было бы обвинить автора в искусственном нагнетании трагизма и жестокости, если бы не реалии повседневной жизни, с удивительным равнодушием

подкидывающие писателям новые «жесткие» сюжеты.

Экзистенциальные мотивы одиночества, онтологического страха отчетливы в пьесе В. Мишаниной «Ветви священного дуба» [6]. Именно драматургия уделяет самое пристальное внимание изучению внутренних психологических конфликтов, проблем в сфере межличностных отношений, ибо «источником и движущей силой драматического действия является человек с присущим ему своеобразным складом психологии, чувств, стремлений и взглядов на жизнь» [7, 236]. Четко расставляя акценты на реальной действительности, В. Мишанина исследует интимные и семейные взаимоотношения, психологию человека, оказавшегося в кризисной ситуации. Главная героиня пьесы Нюра переживает процесс глубокого душевного стресса. Ее тяготит одиночество и мысль о том, что она никому не нужна. Собеседник одинокой женщины – серая мышь, ставшая символом серости, пустоты жизни героини, личностной невостребованности, нереализованности душевного потенциала. «Вот, мышка, смотри и смейся над людьми. Видишь, каждому что-то надо. Глаза бы мои на них не смотрели. Уехала бы отсюда, да никто не зовет меня, никто не ждет... А где хоро о?!...» [6, 29].

Много душевных сил Нюра затрачивает на то, чтобы найти в этой весьма трудной жизни предназначенное только ей место, поиск которого сложный и мучительный процесс, сопряженный с сомнениями, потрясениями, настоящим драматизмом. Самоотверженный, в некотором роде отчаянный поступок героини (рождение ребенка) находит в социуме лишь осуждение, что еще больше усугубляет ее душевные колебания и переживания. На пределе духовного напряжения она восклицает: «Как встать на ноги?! Как растопить лед в людских сердцах?!» [6, 35]. Возможно, этот крик приводит в действие механизмы ее души, подстрекает к «бунту» против враждебной действительности, пробуждает рефлексии, позволяет на определенное время преодолеть трагедийное мироощущение, наполняет абсурдное бытие смыслом. Драматург детально реставрирует историю о том, как женщина с определенной долей отчаяния приходит к пониманию сложности бытия и своего предназначения в мире. Героиня мобилизует нравственные ресурсы, принимает важное

решение, способное переломить ситуацию и преодолеть жизненный кризис, подсказанное не столько разумом, сколько материнским инстинктом и сердцем.

Если Нюре удалось перебороть душевный кризис и найти свое предназначение, то другой персонаж пьесы – Григорий – не находит выхода из жизненного «тупика». Одиночество, непонимание в семье, отсутствие надежной опоры, осуждение односельчан стали причинами зарождения экзистенциального сознания и мироощущения героя. Лишь Нюра видит его страдания и искренне сочувствует: «Места себе не находит... Господи, а взгляд, взгляд – давит, будто тяжелый камень. Опора ему нужна...» [6, 41]. В поисках точки опоры слабохарактерный и угнетенный изменой и развалом семьи Григорий, не способный подавить в себе предрассудки, окончательно утрачивает связь с внешним пространством. Самоубийство становится для него единственным способом преодоления сложившейся кризисной ситуации. Трагедию усугубили пошатнувшиеся общественные устои, обесценивание нравственно-этических принципов мироустройства. В драме отчетливо прочитывается экзистенциальная метафора: разобщенность общества и личности ведет к непониманию индивидуумом смысла и ценности жизни.

Актуализированный каждым писателем круг социальных проблем выкристаллизовывает вопросы бытия и природы человека на самом глубоком уровне. Правомерно говорить об определенной роли экзистенциальной парадигмы в художественном исследовании «онтологического дна» личности, проникновении в сферу подсознательного и психику человека. Эту мысль подкрепляют выработанные экзистенциальным сознанием оригинальные принципы поэтики, «в творчестве разных художников, реализующихся в индивидуальных комбинациях, универсальных и неповторимых, отражающих философское и стилевое мировоззрение художника» [2, 35]. Справедливо говорить о доминировании модернистских форм, которые «наиболее адекватно воплощают изломанный мир, изломанное сознание, процесс дематериализации плоти...» [2, 36]. В романе Е. Четвергова «Ванечка» [8] основными структурообразующими элементами, передающими экзистенциальное сознание главной героини Ку-

ли, становятся пограничная ситуация, поток сознания, сон, видение.

В философии экзистенциализма близость смерти – пограничная ситуация, момент истины, подведения итогов. Загадка человеческой жизни и смерти вызывала животрепещущий интерес ученых и мыслителей во все времена. Е. Четвергов не стремится к абстрактному осмыслению данной проблемы в сложных категориях и модусах, поэтому его героиня рассуждает лишь о собственном бытии. В процессе воспоминания прожитого она не отрекается от некогда совершенных ошибок, не моделирует формулу идеального образа жизни. Носительница национального мифологического сознания, Куля воспринимает смерть как переход в иную реальность – мир усопших, где она встретится с близкими людьми. В концептуальной сфере романа смерть – экзистенциальная ситуация – момент истины, когда сбрасываются все маски, и человек обнажает свою духовную сущность. Ощущение близости смерти дает героине возможность осмыслить уникальность земного бытия, оценить счастливые моменты жизни, исповедаться перед самой собой.

Накануне смерти Куле снится сон-предчувствие, который «эмоционально подготавливает события, происходящие в жизни героев и имеющие для них решающие последствия» [9, 80]. Героиня Е. Четвергова предчувствует близкую смерть, абстрагируется от окружающей действительности. Сновидения Кули помогают адаптироваться ей к предстоящей кризисной ситуации ухода из жизни, преодолеть онтологическое чувство страха перед смертью. В нарративе романа сон имеет сюжетно-композиционное значение, а также выступает средством психологического анализа, познания человеческой природы, его сознания и сферы бессознательного.

В форме несобственно-прямой речи Е. Четвергов передает поток мыслей-воспоминаний героини: «Чувствуя усталость, Куля разделась и легла, накрывшись одеялом. В памяти всплыли встреча с Иваном, первая ночь, проведенная с мужем. Прожили с ним всего лишь год с небольшим, тогда почему так свежи воспоминания о том светлом времени? Чем Иван отличался от Миколя? Сделал меня матерью? Почему та пора была так коротка? Или действительно ярко горящая

лучина быстро сгорает? Мысли-воспоминания – бескрылые птицы. Не зря, видно, древние назвали Идею Богом... Одни мысли сменились другими. Воспоминания словно перепрыгнули на несколько десятилетий назад в окутанные завесой времени послевоенные годы» [8, 174]. Ретроспективный внутренний рассказ героини на бытовые темы гармонично трансформируется в процесс осмысления ею онтологически значимых вопросов бытия. Последние часы земного существования, как и всю жизнь, она проводит один на один со своими мыслями, исповедуется перед внутренним «я». Трагизм ситуации в том, что одиночество, переживаемое Кулей, полярно: одиночество как путь к непреходящему, вечному противостоит коммуникативной отстраненности от окружающего мира и людей, разрушению духовного единства с сыном, что мучает женщину до глубины души.

Раскрывая правду жизни, Е. Четвергов не может обойти онтологических проблем, среди которых экзистенциальная ситуация уничтожения человеком своего «я», потери собственной индивидуальности, душевная суета и т. д. В момент эмоционального напряжения, стресса, потрясения – в экстремальной ситуации – героям романа раскрывается суть бытия, а читателю – сущность персонажа. Если смерть Кули, спокойная и возвышенно-благородная, воспринимается как логический и своевременный переход в иной мир, то гибель Ванечки в огне – как расплата за ничемно прожитую жизнь. Смысл существования своих героев писатель определяет мерой их ответственности перед окружающими и близкими. Игнорирование этических норм, нравственных заветов предков, равнодушие ко всему духовному, самоуничтожение не только привели Ванечку к одиночеству, но и аккумуляровали его фальшивое существование, деградацию индивидуальных черт и неприятие общечеловеческих ценностей.

Сюжет рассказа В. Мишаниной «Дымное утро» [10] полностью базируется на ситуации одиночества. Автор изображает трагический контекст, в котором формировалось одиночество героини, конструирует ситуацию нравственного выбора, ставшую переломной в ее жизни. Убийство нерожденного ребенка болезненно подействовало на Настю, «вселило в нее страх. И этот страх не прошел после больницы. Борис успокаивал ее: «Ты что стала как глиняная мумия? Такое не только с тобой

случилось, а бывает со всеми женщинами». Он говорил об этом просто, даже весело, будто такое происходит каждый день, да еще взял и улыбнулся. «Нет, Настя все стерпела, но улыбку вынести не смогла. – Уйди с глаз, ненавижу!.. – бледнея, произнесла она» [10, 168]. Очевидно, нравственные принципы женщины не позволили ей поступить иначе, слишком глубоко было осознание ею греховности своего поступка. Героиня стремится возместить внутреннюю пустоту общением с коллегами, с головой уходит в работу, «но почему-то именно здесь она острее почувствовала свое одиночество» [10, 171]. В. Мишанина последовательна в экспликации своего видения сущности и предназначения женщины – быть матерью, хранительницей очага и семейных ценностей. Причины одиночества Анастасии Львовны, безусловно, восходят и к социальным «внешним» обстоятельствам: отсутствие собственного жилья, ужасающие бытовые условия, которые, по словам ее мужа, могут «загубить ребенка», однако они позволили «увидеть, кто какую роль исполняет в жизни» [10, 170]. Бытовые трудности, холод словно проникли в отношения между супругами, однако основная причина разлада в семье имеет этический подтекст. Самолюбивый Борис, «выросший в городской благоустроенной квартире», находящийся под влиянием матери, даже не попытался понять и разделить боль жены, он сбежал как «трусливый зверек». Предательство мужа, осознание трагизма совершенного поступка наделяют героиню экзистенциальным мироощущением, согласно которому она строит модель своих взаимоотношений с миром – «сладостное» переживание одиночества, которое становится привычным и необходимым условием жизни.

Психологический процесс душевного терзания, разочарования в личном счастье, потери истинного смысла жизни трансформируется у Анастасии Львовны в процесс отчуждения от людей. «В этом доме она жила уже лет семь, но ни с кем из соседей не зналась. ... Анастасия Львовна по утрам обычно ждала, когда в подъезде стихнет топот бегущих на работу людей и смолкнут голоса детей...» [10, 157]. Одиночество формирует особое мировидение, восприятие окружающих людей и событий (лишь иногда женщина вспоминала, что «над ней живут какие-то люди»), индивидуальные потребности («как только замирали

на лестнице последние шаги, ...она пила кофе и садилась за рабочий стол...» [10, 157]). Причины одиночества героини кроются именно в ее оторванности от социума, его привычного ритма, растворении чувства общности с окружающим миром. Однако даже кратковременное общение с ребенком соседей, участие в жизни девочки вызывают у нее полярные интенции – за долгие годы одиночества женщина впервые испытывает необходимость заботиться, сопереживать, нести ответственность. Амбивалентность состояния и ощущений Анастасии Львовны можно объяснить словами Н. Бердяева, в философской концепции которого «истинное преодоление одиночества и достижение общения есть переход от «я» к «мы» в любви, в дружбе...» [11].

Экзистенциализация мордовской литературы рубежа XX–XXI вв. имеет своей целью представление концепции мира и человека, выявление индивидуального, национального и универсального в бытии, осмысление классических оппозиций жизнь/смерть, сознательное/бессознательное, вера/безверие, добро/зло и др., метафоризацию проблем современной действительности. Писатели проникают в мир «человеческой субъективности» для того, чтобы обнажить противоречия, болевые точки, мироощущения своих героев в минуты одиночества, отчуждения, безверия.

Художественное осмысление одиночества в различных жанровых формах позволяет говорить о специфическом экзистенциальном пространстве в национальной литературе, насыщенном философскими размышлениями над онтологическими проблемами, установками на концептуальное выявление единства, целостности, диалектики мира, идентичности и самоценности личности. Переживаемое персонажами рассмотренных нами произведений одиночество воплощает идею глубокой духовно-нравственной кризисности социальной действительности, отражает трагедийное мироощущение современника, становится метафорическим образом дисгармонизации взаимосвязи «человек – общество – мир». Вместе с тем, правомерно констатировать и позитивное: «Одиночество – в природе человека, его родовая черта, проявление экзистенциального сознания, оно совершенно необходимое условие для самоуглубления личности, для самопознания, для определения ее ценности...» [2, 175].

Литература

1. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма. Философия существования [Электронный ресурс] / О. Ф. Больнов. – Режим доступа : <http://mreadz.com/new/index.php?id=282818&pages=6> (дата обращения 30.10.2015).
2. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий [Текст] / В. В. Заманская. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 304 с.
3. Бердяев, Н. Философия свободы [Текст] / Н. Бердяев. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – 320 с.
4. Пудин, А. Анахореты, или Угол для сирот [Текст] / А. Пудин // Пьесы : в 3-х кн. Кн. 1. – Саранск : Тип. «Красс. Окт.», 2007. – С. 60–103.
5. Джонг-Гирвельд, Д. Типы одиночества [Текст] / Д. Джонг-Гирвельд, Д. Раадшелдерс // Лабиринты одиночества. – [пер. с англ.] : Н. Е. Покровский ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – М. : Прогресс, 1989. – С. 301–319.
6. Мишанина, В. Озкс тумоть тарадонза (Ветви священного дуба) [Текст] / В. И. Мишанина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 291 с.
7. Имяреков, М. Г. Писательсь и эряфсь (Писатель и жизнь) [Текст] / М. Г. Имяреков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 384 с.
8. Четвергов, Е. Ванине : роман на морд.-эрзя яз. [Текст] / Е. Четвергов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. – 204 с.
9. Подчиненов, А. В. Жанровая форма сна в творчестве Ф. М. Достоевского 1840-х годов [Текст] / А. В. Подчиненов // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX веков. – Свердловск : Свердловский пед. институт, 1989. – С. 79–88.
10. Мишанина, В. Дымное утро [Текст] / В. Мишанина // Люди в дороге: повесть, рассказы. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. – С. 157–173.
11. Бердяев, Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения [Электронный ресурс] / Н. Бердяев // Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – 480 с. – Режим доступа : <http://fanread.ru/book/123195/?page> (дата обращения 10.11.2015).

References

1. Bolnov, O. F. *Filosofija jekzistencializma: Filosofija sushhestvovaniya* [Philosophy of existentialism: Philosophy of existence]. Available at : <http://mreadz.com/new/index.php?id=282818&pages=6> (accessed June 30, 2015).
2. Zamanskaya, V. V. *Jekzistencial'naja tradicija v russkoj literature XX veka. Dialogi na granicah stoletij* [Existential tradition in Russian literature of the XX-th centuries. Dialogues on the borders of centuries]. – Moscow : Flinta Publ.: Nauka, 2002. – 304 p.
3. Berdyayev, N. *Filosofija svobody* [Philosophy of freedom]. – Moscow: AST: AST MOSKVA Publ., 2010. – 320 p.
4. Pudina, A. *Anahorety, ili Ugol dlja sirot* [Anachoretæ, or the corner for orphans]. Saransk: «Kross. Okt.» Publ., 2007, vol. 3. no. 1. P. 60–103.
5. de Jong-Gierveld J., Raadshelders J. *Pokrovsky N. E. Tipy odinochestva. Labirinty odinochestva* [Types of Loneliness. Labyrinth of Loneliness]. – Moscow, Progress Publ., 1989. – 624 p.
6. Mishanina, V. *Ozks Tumot' Taradonza (Vetvi svjashhennogo duba)* [Ozks Tumot' Taradonza (Branches of the sacred oak)]. – Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1992. – 291 p.
7. Imyarekov, M. G. *Pisatel's' and Eryafs'* [The writer and the life]. – Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1992. – 384 p.
8. Chetvergov, E. *Vanine: roman na mord.-jerzja jaz.* [Vanine: the novel in the Mordovian-Erzya language]. – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2011. – 204 p.
9. Podchinyonov, A.V. *Zhanrovaja forma sna v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1840-h godov* [Genre forms of dream in the works by Fyodor Dostoyevsky of the 1840-th]. *Problemy stilja i zhanra v russkoj literature XIX – nachala XX vekov* [Problems of the style and the genre in Russian literature of the 19 – early 20 centuries], 1989. P. 79–88.
10. Mishanina, V. *Dymnoe utro* [Smoky morning]. – Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1988. P. 157–173.
11. Berdyayev, N. *Ja i mir objektov. Opyt filosofii odinochestva i obshhenija* [I and the world of objects. The experience of philosophy of loneliness and communication]. Available at : <http://fanread.ru/book/123195/?page> (accessed: November 10, 2015).